

Отзыв

на автореферат диссертации Углевой Натальи Владимировны на тему «Музейная атрибуция древнерусской мебели: подходы, методы, практики» представленную на соискание ученой степени доктора культурологии по специальности 5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Работа Натальи Владимировны Углевой, посвященная проблемам подхода к изучению и методам атрибуции древнерусской мебели, не вызывает сомнений в актуальности выбранной темы. Действительно, «древности» являются особенно сложным материалом в определении их аутентичности. В этом смысле научная обработка крупнейших музейных коллекций России имеет наиважнейшее значение. Среди них Государственный исторический музей играет особенную роль в силу специфики формирования своих собраний.

Верно поставлены в работе цели и задачи. Однако после знакомства не только с авторефератом, но и с диссертацией следует признать, что результаты исследования оказались неубедительными и даже ошибочными.

Автор пишет, что целью работы является «разработать эффективный подход для выявления, идентификации и атрибуции древнерусской мебели» (С.19). В связи с этим Н. В. Углева приводит примеры из собственной атрибуционной деятельности, причем уделяя большое внимание предметам мебели XVIII - XIX вв., которые никак не соотносятся с древнерусскими памятниками, и посвящает им большую часть текста, за исключением критических замечаний по поводу исследований других авторов. Автор объясняет, что таким образом он демонстрирует эффективность используемой методики, которую реализует в своей профессиональной деятельности. Более того, диссертант рекомендует свой опыт в качестве образца для применения в других музеях. Однако именно эти примеры показывают, насколько несостоятельно понимание автором сути

комплексного метода исследований, которое в итоге приводит его к неверным выводам и ошибочным атрибуциям.

Среди множества примеров обратимся к атрибуции тронного кресла, проект которого автор приписывает О. Монферрану и датирует 1816-1825 гг, *«где нижняя граница является временем назначения О. Монферрана придворным архитектором Александра I, а верхняя – датой смерти императора.»* (С. 243) При отсутствии документов о заказе диссертант строит доказательство на том, что архитектор в это время был придворным зодчим. Однако О. Монферран, только приехавший в Россию в 1816, лишь в 1818 г. был представлен императору. Роль придворного архитектора до 1827 г. исполнял Карл Росси. Известные образцы мебели по проектам Монферрана документально датируются 1827 г. и позже. Автор проигнорировал сравнение тронного кресла с известными работами Монферрана, что является крайне важным для определения и проверки авторского почерка, и тем самым дискредитировал понимание комплексности исследования.

Атрибуционные выводы имеют непозволительно поверхностный характер. Например, изготовление туалетного стола в мастерской Г. Гамбса Н. В. Углева связывает с заказом императорского двора только на том основании, что шеи на фигурах резных лебедей украшены жемчужным ожерельем. Н. В. Углева пишет: *«Однако жемчужная нитка на шее птицы – деталь крайне редкая. Этот аксессуар позволяет увидеть в оформлении стола особо подчеркнутую адресность предмета»* (С.142). В действительности образ лебедей с жемчужным ожерельем – устоявшийся и распространенный декоративный мотив в европейском искусстве первой половины XIX века, введенный архитекторами Персье и Фонтэном. Кроме того, доказательства авторства Гамбса также не убедительны.

Абсурдное заявление сделано и по поводу экспоната из коллекции Эрмитажа (складной стол XVIII в.) (С.111). Автор предполагает изготовление стола английскими мебельщиками только на основании конструкции, упуская, что роспись такого характера принципиально невозможна для

английской мебели по многим параметрам. Непонятно, каким образом диссертант увидел в изображениях на столешнице не акантовые листья, а «хрящ», вероятно, имея ввиду «ольмушерверк» (Ohlmuscherwerk) - тип орнамента, характерный для европейского искусства конца XVI - XVII века. В связи с этим абсурдна фраза - «характер декоративных росписей типичен не только для России, но и для эпохи Ренессанса в целом».

Практически вся атрибуционная часть работы не доведена до конца, даже если имеет в основе правильные предположения. Например, рассуждая (С. 192 -198) о «петровских столах» появляются не обоснованные обобщения. Опираясь лишь на анализ стола с изображением орла, датировка которого XIX веком не вызывает возражений, Н. В. Углева делает преждевременное заявление, что все столы подобного типа относятся к XIX. Такие заявления требуют досконального изучения каждого памятника данной группы.

Целью научной музейной атрибуции является получение максимально объективных характеристик как единственное условие для выявления подлинников. Н. В. Углева, со своей стороны, предлагает личный опыт - «насмотренность». Она пишет: «Этот навык обеспечивает возможность с первого взгляда выявить древнее среди общего наследия, невзирая на отсутствие авторских клейм и владельческих отметок» С .232. Если в качестве первичного импульса для отбора памятников и начала исследований можно иметь ввиду личный опыт или «знаточество», которым пользуются частные коллекционеры, то в научных музейных практиках, из-за большой доли субъективности, его нельзя признать научным.

С одной стороны, Н. В. Углева справедливо пишет, что комплексный подход «представляет совокупность ряда методов» (С. 317). Однако, перечисляя его компоненты, она несправедливо исключает технико-технологические приемы - физико-химический анализ металла, дендрохронологию и радиоуглеродный метод. Именно при изучении древних

памятников этот метод может быть полезен. Непонятно, был ли он применен при изучении стула с трапециевидной спинкой (ГИМ 37142/ Д-П-832 рис. 44), который автор датирует IXв.

Сам принцип комплексного подхода при научном изучении мебели является базовым в любой музейной практике. Но именно технико-технологические методы могли бы стать шагом вперед и придать новизну работе Н. В. Углевой.

Однако диссертант делает упор на применении сравнительного анализа. При этом выводы делаются на основе схожести только внешних признаков с образцами западноевропейской мебели (орнаментам или конструкции), без характеристики исторического фона того или иного периода истории Древней Руси, не рассматривая состояние торговых и экономических связей, политической ситуации, развитости ремесла.

В результате некорректных сопоставлений и умозаключений в тексте диссертации появляются следующие выводы: «Полученные сведения являются наиважнейшим открытием, актуальным как для уточнения прошлого отечественного мебельного производства, так и для исторической науки в целом, т. к. открывается еще один этап развития отечественного искусства начиная с Романики и заканчивая Ренессансом в русской интерпретации этих художественных направлений.» (С. 236)

Текст работы плохо структурирован, поэтому изобилует множеством смысловых повторов не только по существу изложения, но и многократно повторяющимися цитатами - С. 61 и 65.; С. 11 и С. 80; цитата на С. 110 и 106, а также -С. 127 и 191; 117 и 124, 225; С. 135 и 183; С. 83 и 127 и 191.

Работа изобилует неверными формулировками и абсурдными заявлениями. Например, рассуждая по поводу символизма и поисков русского национального стиля диссертант приходит к странным умозаключениям. Он пишет, что понятие «русское» и «национальное» максимально четко было сформулировано теоретиками французского

символизма. (С. 60, 61). В качестве примера приводится кресло, спроектированное В. П. Шутовым, как произведение, предвосхищавшее французский символизм. (С. 61). Не понимая сути символизма, в котором было невозможно прямое изображение реальности, автор сообщает: *«В основе художественного решения (кресла) лежала реалистическая трактовка составляющих крестьянского обихода, что выражало авторское представление о национальных стилистических особенностях, что отразилось и на названии кресла «Дуга, топор и рукавицы».* И далее: *«Одним из таковых является русский стиль, в рамках которого практически в каждом произведении реализовывалась идея создания символа страны, символа русской особенности».* Вопрос о том, что автор имел в виду под понятием «символ страны» и «символ русской особенности», остается без комментариев. Кроме того, теоретические пассажи о символизме никак не подводят автора к решению атрибуционных задач для древнерусской мебели, цель этих рассуждений остается неясной.

Удивляет незнание европейской истории (С. 216): *«Его происхождение (светца) могло быть не напрямую связано с Римом, но и с другими областями Священной Римской Империи.»* Из этой фразы следует, что изготовление светца можно связать и с Германией, и с Францией, и с балканскими странами, входящими в состав Священной Римской Империи германской нации с 962 по 1806 г.

Еще раз подобную ошибку встречаем в пассаже на с. 129: *«Также некорректно для XXI в. использование определения «западноевропейская» культура, т.к. в понятие «Западная Европа» не включен ряд стран, находившихся во взаимодействии с отечественной культурой, к каковым, например, относится Италия».* Автор, путая географическое и культурологическое понятие, забывает, что Италия, наряду с другими европейскими странами, вплоть до XIX в. входила в состав Священной Римской империи германской нации.

В списке литературы отсутствуют исследования по атрибуции средневековой мебели западных авторов, крайне важной для объективных выводов и комплексного исследования памятников. Такой недостаток приводит к неверным выводам. Например, приводя в качестве аналогии для датирования стула с трапециевидной спинкой кресло из норвежского музея (рис. 44), автор ссылается на непроверенные данные из блога, где кресло представлено как изделие XII XIII вв. Однако на официальном сайте музея Университета Осло оно датировано началом XVII в.

Существенным недостатком представленной работы, именно потому, что ее основная смысловая часть представляет собой атрибуции конкретных предметов мебели, является отсутствие научного каталога. Без информации, в том числе — подробной фотофиксации деталей, которая обязательна в атрибуционных исследованиях, все рассуждения абсолютно голословны.

Несомненным достижением работы Н. В. Углевой несомненно является сама постановка проблемы и попытка выделить круг связанных с ней памятников. Однако главная цель исследования — определить специфику методов и выработать подход к изучению древнерусской мебели, к сожалению, в данной работе не достигнута. Наличие в коллекции ГИМ мебельных изделий Древней Руси, по-прежнему, остается на уровне гипотезы.

Т. Б. Семенова

« 4 » 02 2026

Сведения о рецензенте: Семенова Татьяна Борисовна, кандидат искусствоведения (специальность 07.00.12 – история искусств), ведущий научный сотрудник, ФГБУК «Государственный Эрмитаж», адрес: 190000, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д.34; semenova.tatiana@gmail.com; +79213140947

« 4 » 02 2026 г.

Подпись Т. Б.Семеновой ЗАВЕРЯЮ

